

Лев Юдович

ОТЕЦ ПАВЕЛ АДЕЛЬГЕЙМ

Из бессловесной пустоты вылуплялись планеты и звезды. И каждая вещь была вызвана своим словом, и слово было делом.

Судебным делом — поправляет меня хозяин — Ты слышишь сочинитель. Уж если слово — так обвинительное слово. Уж если дело — судебное дело. Слово и дело.

Я слышу.

Суд идет, суд идет по всему миру. И уже не Рабиновича, уличенного городским прокурором, а всех нас, сколько есть, вместе взятых ежедневно, еженощно ведут на суд и допрос.

Абрам Терц.

Фантастические повести.

"Встать, суд идет!" Этими словами девятого июля 1970 г. открылось судебное заседание Ташкентского городского суда. Несколько десятилетий изо дня в день слышал я эту команду в разных

городах и разных залах. Иной раз мне казалось, что весь Союз встает по этой команде и покорно, молчаливо взирает на то, как суды творят армию Гулага. На этот раз люди поднимались медленно и неохотно. В зале были верующие, а судили православного священника отца Павла, называемого в миру Адельгеймом Павлом Анатольевичем.

Как все это началось? Почему я оказался в раскаленном, обжигающем дыхание Ташкенте?

В юридическую консультацию в Москве на проспекте Мира пришла женщина лет тридцати.

— К Вам на прием можно?

— Ваша фамилия?

— Адельгейм, Вера я!

— Вы по какому вопросу?

— Можно я Вам расскажу об этом в кабинете?

Скоро я узнал, что она мать троих детей. Ее муж, Адельгейм — священник церкви в городе Кагане Бухарской области — в декабре прошлого года был арестован в Ташкенте за то, что одна из прихожанок избила свою дочь.

— А причем тут Ваш муж?

— У нас произвели обыск, забрали часть библиотеки и пять с лишним тысяч денег — все наши сбережения.

— Подождите, я ничего не могу понять! Ваш муж избивал девочку?

Приговор и кассационная жалоба по делу Адельгейма опубликовались в московском самиздатском журнале "Общественные проблемы", № 14, 1971 (сост. В. Чалидзе) и в Вестнике РСХД № 106 (Париж, 1972).

— В том-то все и дело, что нет! Но его в этом обвиняет КГБ!

Связать воедино все, о чем она мне рассказывала, было невозможно. Одно не вязалось с другим. "Предположим, — думал я, — Адельгейм избивал девочку и за это арестован. Но к чему

Отец Павел Адельгейм

же было следствию изымать книги, деньги? Какое отношение к этому имеет КГБ? Ведь это обычное мелкое уголовное дело!"

— Кто вел расследование?

— Прокуратура Ленинского района города Ташкента.

Ну, ясно! — подумал я. Обычное уголовное дело. Стоит ли мне ехать в Ташкент? Путь не близкий! Но Вера Михайловна умоляет принять поручение. Рассказывает, что была у многих московских адвокатов, и они отказались защищать ее мужа. Время ее пребывания в Москве истекает, так как "завтра очередная продовольственная передача, а в следственном изоляторе КГБ порядок строгий: если вовремя не поступит передача, то потом не примут, и муж будет голодать".

— Где находится Ваш муж?

— В Ташкенте, в тюрьме КГБ!

Как же так? Расследование ведет территориальная прокуратура, Адельгейма обвиняют в уголовном преступлении, а содержат под стражей в следственном изоляторе КГБ.

— Вера Михайловна, Вы чего-то недоговариваете. Делами об избиении несовершеннолетних КГБ не занимается.

— Я Вам правду говорю. Наша знакомая избила дочь. А мой муж — священник в городе Кагане. Он церковь построил и служит там. Его забрали и увезли в Ташкент. Четыре месяца я не знала, где он, и ни милиция, ни прокуратура не отвечали. Потом сообщили, что он в тюрьме КГБ в Ташкенте.

— В чем же его обвиняют?

— Ну я же Вам сказала — священник он. У него ёдовскую саблю нашли и забрали.

Я ничего не понимал — КГБ занимается обыч-

ным уголовным делом об избиении и хранении оружия. Даже если оружие хранил священник, расследовать дело должна прокуратура, и под стражей заключенный должен находиться в обычной тюрьме. В чем же дело? Может быть, избиение совершилось с применением оружия и носило политический характер? Но причем тут ребенок?

На все эти вопросы можно получить ответ, только взявшись за защиту и ознакомившись с делом. Лечу в Ташкент!

Ташкентский городской суд размещался в старом здании. Темные коридоры, маленькие темные судебные залы, душные и зловонные. Здесь ломаются людские судьбы, здесь человек становится заключенным. Впрочем, такое происходило по всей стране.

Предъявив удостоверение адвоката, прошу выдать мне дело. Оказывается, без судьи дело получить нельзя. Судьи нет. Нужно ждать. Выхожу из здания суда. Неимоверно печет солнце. Медленно иду по улице. Захожу в магазины. Продовольственные магазины пусты: на прилавках сыр и крупа. Мяса нет. В кафе — пирожки и кофе. Скучно, но картина привычная.

Во второй половине дня получил дело и с первой же страницы понял, что дело Адельгейма — вопрос государственной политики. Нужно ли объяснять?

Если человек привлечен к уголовной ответственности по такому делу — осуждение неизбежно. Задача суда заключается лишь в том, чтобы

формально соблюдая процессуальные нормы, применяя различные судейские трюки, "благопристойно" осудить человека и в приговоре, слегка коснувшись доказательств, а иной раз просто перечислив их без анализа или переписав обвинительное заключение, заявить, что "подсудимый распространяет клевету на советский государственный и общественный строй".

Быть на таком процессе защитником — значит, находиться под постоянным наблюдением КГБ, прокуратуры, суда и партийных органов. Тебя будут изучать, наблюдать лишь для того, чтобы поставить в зависимость и превратить в фигляра или статиста. Истина, доказательства, твое мнение значения не имеют. Происходит идеологически-юридическая игра. Не приведи Господь нарушить ее правила! Частное определение суда известит партийные органы или Министерство юстиции и... пиши пропало: выгонят из коллегии адвокатов. Обычно в этих случаях частные определения судов утверждают, что адвокат "допустил идеологически вредные, политически незрелые высказывания и суд просит рассмотреть вопрос о его профессиональной пригодности". Такое определение означает конец. Я не мог не думать об этом, читая дело.

Обвинительное заключение начиналось так же, как и сотни других.

"По делу по обвинению Адельгейма Павла Анатольевича по ст. ст. 93 ч. II 147—1 ч. I, 191—4 и 210 ч. II УК Уз ССР, Шкуренок

Анны Васильевны и Пивоваровой Екатерины Яковлевны по ст. ст 93 ч. II и 147–1 ч. I УК УзССР..."

Адельгейма обвиняли в четырех преступлениях: в истязании несовершеннолетних, в создании незаконной религиозной организации, посягающей на права граждан, в распространении клеветы на советский общественный и государственный строй и в хранении холодного оружия. Так и видишь закоренелого и опасного садиста, вооруженного уголовника, создавшего незаконную религиозную организацию. Вместе с ним в избиении несовершеннолетних и в создании организации обвинялись и его сообщники, Шкуренок А. В. и Пивоварова Е. Я.

Обвинительное заключение выглядело солидно. Составил и подписал его следователь прокуратуры Ленинского района города Ташкента Пулатов. Утвердил прокурор города Ташкента, старший советник юстиции Бухаров Г. Б. В суд были вызваны двадцать восемь свидетелей. Вместе с делом в суд направлялись вещественные доказательства: сабля, нож типа кинжала и изъятая у Адельгейма литература. Ссылки на тома, на листы дела и на показания свидетелей должны были убедить суд, что следствием проделана огромная работа и что каждая фраза обвинения обоснована.

Существует целая наука о том, как составлять обвинительное заключение. Так, в него должна быть полностью включена формула обвинения,

которая в свою очередь должна быть изложена в постановлении о привлечении к уголовной ответственности. Обвинительное заключение должно обязательно включать констатацию фактов, анализ, выводы и обвинение. В общем, в юстиции своя технология.

Первые же строки обвинительного заключения объясняли причину возбуждения уголовного дела:

”Поводом к возбуждению настоящего уголовного дела послужило заявление Шкуренок Татьяны Ивановны, 28 февраля 1954 г. рождения о том, что ее мать Шкуренок Анна и бабушка Пивоварова Екатерина, а также священник Адельгейм П. А. с детского возраста приобщали ее к религии, запрещали посещать культурно-просветительные учреждения, смотреть телевизор и т. д., а когда она не слушалась их, то они подвергали ее избиению...”

(см т. I л. д.9)

Итак, основанием для преследования Адельгейма было заявление в прокуратуру четырнадцатилетней девочки против мамы и бабушки! Какая трагическая ситуация! Казалось бы, какие душевые силы нужны ребенку, чтобы преступить через естественную привязанность к маме и пойти к чужим, незнакомым людям в официальное учреждение просить о защите и помощи! На такое можно решиться только ожесточившись и отчаяв-

шилась найти помошь у подруг, школьных друзей, учителей. Адельгейм ей чужой, но мама и бабушка — родные! Понимала ли Таня, что обращаясь в прокуратуру, она может отправить их в тюрьму и остаться сиротой? На чью помощь она рассчитывала, если их осудят? Родственников у нее нет. Где отец — неизвестно. Значит, детский дом — единственная перспектива. Что же заставило ее решиться на такой шаг? Обвинительное заключение объясняло:

”Шкуренок Таня отказывалась от участия в религиозных обрядах и богослужении — Шкуренок Анна, Пивоварова Екатерина и Адельгейм П. А., войдя в преступную связь между собой,* стали применять к Шкуренок Тане насилие и избивать ее.

Так в январе 1969 г. в доме Шкуренок по ул. Малькова, 2 Адельгейм П. А., Шкуренок Анна, Пивоварова Екатерина избили Таню. При этом Адельгейм и Пивоварова держали за руки и ноги Таню, а мать Тани — Шкуренок Анна, била ее резиновым шлангом.

Кроме того, 5 ноября 1969 г. Адельгейм П. А., Шкуренок А. В. и Пивоварова Е. А. привязали Таню Шкуренок за кровать. Адельгейм приподнял халат Тани, а мать ее сняла с нее трусы и Адельгейм

* Устоявшаяся в советской юстиции терминология для характеристики любой преступной связи.

резиновым шлангом стал бить ее. Соседи Шкуренок – Тудакова Н. И., Ялесина А. Н. и другие, услышав крик и плач Тани Шкуренок, стали стучать в стену и дверь квартиры Шкуренок, пригрозив вызвать милицию, если они не прекратят избиение Тани. После чего Адельгейм перестал бить Таню, и они отпустили ее.

(см. т. 1, л. д. 12–15, 19–21, 22–24, 50–53, 56–58, 89–91, 102, т. 2, л. д. 1–2, 8–9, 10)

Таким образом Адельгейм П. А., Шкуренок А. В. и Пивоварова Е. А. своими действиями посягали на личность и права несовершеннолетних Шкуренок Тани, Шкуренок Виктора, сопряженное с причинением вреда их здоровью в виде истязаний, отчего Шкуренок Таня и Виктор уходили из дома и определенное время жили у знакомых и родственников”.

(см. т. 1 л. д. 15, 22–23, 24–25, 50–51, 52–53, 54–55, 91, 148–149, т. 2 л. д. 147–148)

Необходимые элементы обычного уголовного дела были налицо: преступная связь, насилие, избиение, крики, плач потерпевшей и спасители-соседи.

Но при более внимательном рассмотрении картина, нарисованная обвинением, оказалась несостоятельной. На многократных допросах мать

Тани, Анна Васильевна, рассказывала следователю, что дочь вышла из повиновения, перестала учиться, не ночует дома, связалась с двадцатилетним парнем. Она также рассказала, что пыталась говорить с Таней и убедить ее в необходимости учиться, но Таня и слушать об этом не хотела. Убеждали все: и бабушка, и Павел Анатольевич, но заставить девочку изменить свой образ жизни оказалось невозможно. В ноябре 1969 г. в очередной раз она не пришла домой. Всю ночь Анна Васильевна и бабушка не сомкнули глаз, волновались. Под утро пошли искать Таню. Ходили в морг, в милицию, по дворам, но дочери нигде не было. Утром приехал Павел Анатольевич. Часов в десять появилась Таня. Вид ее — измятый, нечесанный, с синяками под глазами возбудил у матери тяжелые подозрения, и она потребовала у дочери объяснений. Таня ответила грубо. Схватив попавшуюся под руку резиновую трубку, Анна Васильевна повалила Таню на кровать и отстегала ее. Адельгейм Таню не бил. То же самое говорила и бабушка.

И только Таня рассказывала следователю, что Адельгейм ее бил. Но в показаниях Тани не указана причина избиения, которую выдвигает следствие: отказ от участия в религиозных обрядах. Это обвинение придавало делу характер борьбы с религиозным мракобесом, позволяло обвинить священника.

Забегая вперед, скажу, что на суде выяснится, что насильственное обращение в веру и избиение за отказ молиться Богу — сплошной вымысел.

Отвечая на вопросы защиты, Таня говорила: "Меня побили за то, что я не ночевала дома". Выяснится также, что Тане никогда не запрещалиходить в кино, музеи, смотреть телевизор и т. д. Эта версия была придумана следствием для иллюстрации "зла", идущего от церкви.

На суде выяснится многое, будут даны ответы на все вопросы, возникавшие у меня при первом знакомстве с делом. Выяснится, что Таня, бросив учебу, устроилась на работу. Вскоре она обратилась в завком с просьбой предоставить ей общежитие. Но ей, живущей в семье, общежитие не полагалось. Для этого нужны были особые причины. Их выдвинула соседка Шкуренок Дуданова, враждебно относившаяся к бабушке и матери Тани. Она заявила, что семья Шкуренок — верующие и необходимо ребенка от них изолировать. Активистка из отдела кадров Соловьева предложила Тане: "Напиши заявление, что тебя избивал поп — получишь общежитие". Под ее диктовку Таня написала заявление, по которому возбудили дело и арестовали Адельгейма. Избиение старшего брата Тани Вити включено в обвинение, очевидно, для создания широкой картины массового систематического преступления. Но опирается это обвинение на крайне сомнительные неконкретные показания церковной старосты Втулкиной, противоречащие всем остальным свидетельствам и фактам.

Но все это выяснится потом. Пока же, читая материалы дела, я отмечаю произвольные, не основанные на фактах, выводы следователя, произ-

вольное толкование этих фактов. Пока я еще только готовлю материал к процессу, пока я еще только узнаю, что

”произведенным по делу предварительным расследованием установлено следующее:

Адельгейм Павел Анатольевич, 1938 года рождения будучи дьяконом Ташкентского кафедрального собора в период с 1960 до 1965 года, а с 1965 года по ноябрь 1966 года дьяконом православной церкви по ул. 8 марта гор. Ташкента, а затем с декабря 1966 года священником Каганской православной церкви, Бухарской области, начиная с 1960 года, используя свое духовное положение, систематически занимался обработкой несовершеннолетней молодежи – Шкуренок Тани, 28.11.1954 года рождения, Шкуренок Виктора, 19.10.1952 г. рождения и Шамсутдиновой Гали, 19.11.1953 года рождения, с целью приобщения их к религии.

Адельгейм П. А. в этих же целях оказывал материальную помощь семьям Шкуренок¹ и Шамсутдиновой, а их детям – учащимся средней школы Шкуренок Тане, Шкуренок Виктору и Шамсутдиновой Гале преподносил подарки, а Тане и Гале на свои средства организовал поездку в Подмосковье”.

(см. т. 1, л. д. 12–15, т. 2, л. д. 1–2, 13–14).

Казенный официальный язык, биографические сведения и вдруг неожиданный, ни откуда не следующий вывод: "использовал свое духовное положение, обрабатывал молодежь с целью приобщения их к религии".

Ай да следователь! Ай да ловкач! А где же факты для вывода о том, что Павел Анатольевич использовал свой духовный сан? Проводил беседы с молодежью, уговаривал молиться, пугал их судом Божиим? Что он делал для того, чтобы "обработать" сознание? Слово-то следователь специально подобрал энергичное, активное, указывающее на применение силы. Какой же смысл следствие вложило в это слово?

Павел Анатольевич помогал материально и другим прихожанам: дарил детям игрушки, покупал необходимые вещи. Эта помощь и названа в материалах следствия "обработкой сознания". Благотворительность стала считаться преступлением. Уголовным деянием стало в глазах следователей даже исполнение священником своих прямых обязанностей. Крещение Гали Шамсутдиновой вошло в обвинительное заключение.

— Постойте, постойте, обвинители! Адельгейм же священник, крестить пожелавших этого — его обязанность и право, а не преступление! Государство отделило церковь, заявляя, что не вмешивается в ее дела. Почему же крещение — это уголовно наказуемое преступление? Ведь такое обвинение Адельгейму — доказательство вмешательства государства в дела церкви! Да, по закону так! Но когда политика расходится с законом

ном — закон молчит, а говорят обвинители!

С каждой новой строкой обвинение звучало все более угрожающе, особенно для людей, помнивших историю страны, ее печально знаменитые тридцать седьмой, сорок седьмой, пятьдесят второй и пятьдесят третий годы.

"Следствием установлено, что Адельгейм является единомышленником крайне реакционной части православного духовенства, борющейся против официального руководства церкви и пытающейся склонить церковь к борьбе против существующего в СССР законодательства о религиозных культурах, при этом возводя всевозможную клевету на общественный и государственный строй в нашей стране".

Теперь ясно, почему Адельгейм в тюрьме КГБ! "Реакционер, борющийся против официального руководства церкви, склоняющий церковь к борьбе", политический преступник. В соответствии с законом, официальной идеологией и пропагандистской доктриной за убеждения не судят. Но единомыслие — это одинаковые убеждения нескольких лиц. Значит, обвинительный акт признал, что вина Адельгейма в его убеждениях. Понимали ли авторы обвинения, что они пишут? Понимали ли они, что провозглашая убеждение преступлением, они нарушают закон? Да, понимали и сознательно шли на эти нарушения. Как показала практика — политическая цель оправдывает средства.

Казалось бы, внутрицерковная борьба не имеет отношения к советскому государству. Почему же КГБ и прокуратуру так беспокоят страсти, которые кипят в церковной жизни Советского Союза? Почему за внутрицерковную борьбу нужно судить уголовным судом? Секрета здесь нет. Государству и партии официальная церковь нужна. Государство заинтересовано в том, чтобы сохранить контроль и управление ею. Для этого нужно защитить от критики законодательство о религиозных культурах. В то же время нужно поддерживать видимость невмешательства государства в дела церкви. С государственной точки зрения все просто: не разделяешь мыслей официального руководства церкви — значит, реакционер. Критикуешь законодательство о религиозных культурах — клеветник. Такова государственная политика, а следствие и закон — орудие этой политики. Если во имя политики нужно доказать, что инакомыслие — это клевета, докажут!

Во время обыска на квартире Адельгейма было обнаружено "Открытое письмо" Эшлимана и Якунина с пометками Адельгейма на полях. Он писал: "Что касается властей, то им можно вменить в обвинение — насилие над свободой слова". Опираясь на этот факт, следствие обвинило Адельгейма в том, что он разделял клеветнические утверждения авторов "Открытого письма" и одобрял их действия.

За изготовление и распространение клеветнической литературы человека можно судить,

хранение такой литературы формально не наказуемо. Адельгейм письмо хранил, а не распространял. Но кто из судей может оправдать единомышленника реакционного духовенства? Как показала практика этого и других процессов, такого смельчака нет. Совести, гражданскому долгу, закону и прочим "устаревшим ценностям" противостоит полная судейская зависимость от партийного и советского аппарата. Так построена вся судебная система страны. Оправдание подсудимого по политическому преступлению было бы актом идеологической неблагонадежности. Вот и пекут судьи приговоры. Так было в 1970, так было и в 1977, последнем году моей жизни и работы в Советском Союзе.

Литература, которой питалось инакомыслие Адельгейма, которую он собирали, хранил, перечитывал и анализировал, для "монолитного идеологического единства" опасна — она источник неугодной властям информации. Она — источник размышлений, потому вредна. Именно так, не стесняясь, и было написано в обвинении.

"При обыске в доме Адельгейма обнаружено и изъято большое количество его рукописей, религиозно-философской литературы, машинописные тексты со статьями зарубежных религиозных деятелей реакционного идеологически вредного и клеветнического содержания".

И дальше следовал перечень названий, вошедший впоследствии в приговор.

1. Док. № 5 "Письмо IV Всесоюзному съезду советских писателей" А. И. Солженицына.
2. Док. № 21 "Голос Родного Православия".
3. № 23 "Слушая радио".
4. Док. № 24 "Открытое письмо патриарху Алексию от свящ. Якунина".
5. Док. № 26 "Приложение".
6. Док. № 28 "Председателю Президиума Верховного Совета".
7. Док. № 8 "Терминология".
8. Док. № 33 "Человек" (Вяч. Иванов).
9. Док. № 10 "Демоны глухонемые" (М. Волошин).
10. № 42 "Реквием" (А. Ахматова).
11. № 10 "Москва Родине".
12. № 10 "Мир".
13. № 16 "Родина".
14. № 11 "Сила православия".
15. № 18 "По поводу письма Куроедову".
16. № 34 "Письмо Куроедову арх. Ермогена".
17. № 36 "Никодиму от Шпилера".
18. № 43 "Монастырь в миру" (Сб-к проповедей священника Вал. Свенцицкого).
19. № 20 "Радиокомментатору Би-Би-Си Родзянко".
20. "О евреях и неохилиастах".
21. Пакет № 1, содержащий 82 страницы рукописного текста и пять ученических тетрадей с рукописным текстом.

Одннадцать наименований относятся к религиозно-философской литературе. Особое внимание

ние следствия привлекала подборка статей из эмигрантской газеты "Русская мысль" под общей шапкой "Голос Родного Православия".

Чего только ни делает политический аппарат, чтобы зарубежные издания не проникали в СССР. На всех пограничных пунктах, в портах, вокзалах и аэропортах устроен двойной заслон — таможенный и пограничный. Просматривают, прочитывают и прощупывают каждую книгу. Да что там книгу! Каждый листок бумаги... Особые почтовые служащие, особыми методами (иначе нельзя, ведь тайна переписки официально охраняется законом!) проверяют конверты и бандероли. А литература все равно идет и идет! И куда дошла — из Европы в Бухарскую область! Следствие обязано было установить истоки и пути ее проникновения. Методично и скрупулезно будут выяснять, где и у кого взял? в каком виде? перепечатывал ли? в скольких экземплярах? на какой машинке? где эта машинка? кто ее владелец? Проводилась экспертиза, чтобы доказать, что литература печаталась именно на этой машинке и ее изъяли — зло должно быть пресечено в корне. Потом составят сводный документ о "путях проникновения зарубежной литературы" и направят соответствующее представление в соответствующие органы. В таком представлении напишут, что при расследовании дела было установлено, что "идеологически вредная литература поступает из-за рубежа", что ее привозят студенты, туристы, журналисты и вообще иностранцы, а поэтому

необходимо усилить: а) контроль на таможне и пограничных заставах, б) тщательнее досматривать, в) усилить бдительность личного состава, т. к. есть основания полагать, что "идеологически вредная литература была завезена через... Н-пункт, г) о принятых мерах сообщить в срок до 30 дней". Такое определение — ч.п. на таможне и погранзаставе. Его будут обсуждать с личным составом, нацеливать коллектив на выполнение задач, составлять план усиления бдительности, т. е. усиление наблюдения, досмотров, обысков. Литература, не прошедшая советскую цензуру, — опаснее оружия. На борьбу с ней брошены десятки тысяч людей, целая армия, и следователь — один из ее бойцов.

Следователь КГБ Витенков тщательно выяснял и заносил в протокол, где и у кого Адельгейм достал, купил, приобрел статью архиеписко-па Иоанна Сан-Франциского под названием "Слышиш". Но Адельгейм не помнил, и допросы многократно повторялись.

Целый ряд документов, найденных у Адельгейма во время обыска, был написан людьми, живущими в Советском Союзе. Авторы открыто рассылали и распространяли их, в частности, таково было "Открытое письмо патриарху Московскому и всея Руси Алексию от священников Н. Эшлимана и Г. Якунина".

Предъявив этот документ Адельгейму, следователь спросил:

"Разделяете Вы мнение Эшлимана, изложенное им в письме патриарху и Предсе-

дателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному?" (Документы № 24 и № 28).

Ответ: "Взгляды авторов письма полностью я не разделяю. Согласен с ними в том, что изменение, которому подверглось положение об управлении Русской православной церковью, отрицательно сказалось на приходской жизни. Изменение это состоит в том, что если прежде священник был членом церковной общины и имел право быть избранным в церковный совет, то теперь он не имеет права быть членом двадцатки и членом церковного совета". (Т. 1 л. д. 59, протокол допроса от 29 января 1970 г.)

Вопрос: Каких взглядов придерживался священник Глеб Якунин?

Ответ: Бывая в Москве, я встречался со священником Глебом Якуниным. Он держится взглядов, изложенных в письмах. Он осуждает бездеятельность патриарха и епископов (сам к этому осуждению присоединиться не смею). В частности, он осуждает патриарха и епископов за то, что они не управляют вверенной им паствой, не заботятся о нуждах своих епархий, передав все управление в руки уполномоченных". (Т. 1 л. д. 136, допрос от 20.11.1970 г.)

Так и работает следствие, так оно борется с убеждениями и умело инсценирует судебные спектакли.

Экспертиза

Для борьбы с религиозным инакомыслием решили воспользоваться авторитетом науки. Привлечение ученых в качестве экспертов по такому вопросу не совсем законно, но для следствия оно содержит определенные преимущества. Отпадает необходимость проверять в суде факты и их соответствие действительности. Такая работа была бы для следствия опасной, могла бы подорвать доверие к идеологии и государственной политике. Намного проще сослаться на отзывы ученых.

Листаю тома и нахожу, что ожидал: постановление прокуратуры о назначении литературно-идеологической экспертизы. Эксперты, сотрудники различных кафедр Ташкентского университета под руководством профессора Макова, должны ответить следствию, на кого рассчитана изъятая у Адельгейма литература, какова ее идеологическая направленность и как в ней изображена советская действительность.

По закону обвиняемому разрешено "просить о назначении эксперта из числа указанных им лиц". Но Адельгейма никто ни о чем подобном не спрашивал. Следствие само подобрало угодных ему мужей науки.

На основании своего опыта участия в подобных процессах я могу воспроизвести в общих чертах картину назначения экспертов в прокуратуре Ленинского района города Ташкента.

Представим себе следователя прокуратуры Пулатова. Ему, рядовому работнику, оказана честь расследовать дело государственной важности — дело борьбы с мракобесием церковников-реакционеров. До тех пор ничем не примечательный следователь вдруг вырос в значительную фигуру, включенную чьей-то рукой в большую политику. Завтра он наденет темный костюм, белую рубашку, прицепит университетский значок и скажет дома, что отныне он будет занят в расследовании дела, в котором заинтересованы "там". Многоизначительно замолчит. Больше дома сказать нельзя.

Получив дело и погрузившись в чтение вещественных доказательств — литературы, изъятой у Адельгейма, — следователь вдруг перестанет понимать, на каком языке он читает. "Экуменическое движение", "Евреи и неохилисты"! Ну, с евреями-то все ясно, но кто такие неохилисты? Секта? Народность? Очень похоже на "схоластов" — этот термин можно найти в кратком философском словаре. Но где прочитать о неохилистах? А что такое "энциклика"? Почему стихи А. Ахматовой и М. Волошина плохие? Следователь в панике. Как ему справиться с заданием?

Тут в кабинет войдет атлетического сложения круглолицый человек:

— Следователь следственного управления КГБ

старший лейтенант Витенков. Будем работать вместе. Дело особое, сложное, и работы хватит на всех.

Только тут Пулатов вспомнит, что передавая ему дело, прокурор района сказал, что он будет работать не один. И как же он сразу не понял, что дело будет вести КГБ! Ведь обыск и изъятие литературы производил старший лейтенант КГБ В. А. Витенков. Это он отобрал подлежащую изъятию литературу, письма и дневники, он арестовывал Адельгейма, он начинал это дело. Да вот и документы об этом: протокол обыска и изъятия документов, составленный и подписанный Витенковым.

— Ну что ж, вместе так вместе! — подумает Пулатов. — И ответственность меньше, и силы и возможности прокуратуры не сравнить с силами КГБ. Но официальное следствие за мной, и значит, и поощрения, и почет от меня не уйдут...

Размышления Пулатова прервет вопрос Витенкова:

— Что, литературу просматриваете?

Спазм перехватит дыхание, от страха сожмется сердце, и грусливая мысль — может, мне и нельзя все это читать — промелькнет в голове.

Но Витенков успокоит:

— Правильно, с этого и надо начинать. Мы должны знать своих врагов. Кстати, я уже продумал и согласовал вопрос о назначении экспертов.

Подойдя к телефону, он наберет номер.

— Это отдел высших учебных заведений ЦК? Говорит следователь управления КГБ Витенков.

С кем разговариваю? Извините, не узнал. Вам уже звонили? У нас тут такое дело! Мы арестовали одного священника. Контрреволюционер, конечно. У него изъята антисоветская литература и всякая религиозная идеалистическая чушь. Нам нужно, чтобы Вы порекомендовали нам проверенных ученых, которым мы могли бы поручить проведение экспертизы. Желательно, чтобы это были члены партии, доктора или кандидаты наук. Нужно, чтобы они дали заключение об антисоветском идеологически вредном характере литературы.

— Повторите фамилию, я не расслышал. Нет, этот не подойдет, мы не доверяем ему. Профессор Маков? Да, этот подойдет! Кислова? Кто это? Она раньше работала в обкоме? Сейчас на кафедре марксизма в университете? Подойдет! Нам нужно человек пять, чтобы выглядело солидно. Хорошо, пришлите их к нам в прокуратуру Ленинского района к Пулатову, не ко мне. Позвоните ректору университета, пусть он их на время экспертизы освободит от работы. За работу им заплатит прокуратура, а постановление о назначении их экспертами мы вышлем позже.

Подбор экспертов закончен. Ректор университета получит указание из ЦК партии и откомандирует "независимых" экспертов в распоряжение прокуратуры. Потом будет вынесено постановление о назначении экспертизы с перечислением всех титулов экспертов. Обвиняемого спросят, есть ли у него отводы экспертам, которых он не знает, и он вверит свою судьбу ученым

с титулами кандидатов и докторов, отобранными по принципу верности режиму и угодности следствию.

Вот образцы некоторых экспертных заключений:

Вопрос: На кого рассчитана литература, изъятая у Адельгейма?

Ответ: На грамотных людей, знающих русский язык.

Это не шутка и не сарказм. Это научный ответ высокой экспертной комиссии!

Вопрос: Какова идеологическая направленность литературы?

Ответ: Вся эта смесь объединяется религиозной идеологией.

На третий вопрос – как изображена советская действительность в литературе, изъятой у Адельгейма, – дан развернутый ответ.

"В стихах М. Волошина "Москва", "Мир", "Русь глухонемая", "Родина" и "Терминология" экспертиза усматривает символы и аллегории, связанные с нежеланием принять советскую действительность".

Читаю стихотворение "Москва":

В Москве на Красной площади
Толпа черным черна.

Гудит от тяжкой поступи
Кремлевская стена.
Ни свечи не засвеченны,
К обедне не звонят,
Все груди красным мечены,
И плещет красный плат.
По грязи ноги хлипают,
Молчат, проходят, ждут.
На паперти слепцы поют
Про кровь, про казнь, про суд.

Символы и аллегории в стихах есть. Но что понимает экспертиза под "советской действительностью"? Ведь действительность первых лет революции отличается от советской действительности шестидесятых годов. Почему неприятие советской действительности поэтом в 1917 году — преступление для Адельгейма, читающего эти стихи спустя пятьдесят лет? А чем не нравится обвинителю и экспертизе стихотворение времен гражданской войны "Терминология"?

Брали на пушку, ставили к стенке,
Списывали в расход,
Так изменялись из года в год
Речи и быта оттенки.

Что ж, и о гражданской войне в России нельзя вспоминать, нельзя изучать свидетельства очевидцев? Почему не дозволено знать духовную жизнь страны такой, какой она была в действительности: трагичной, кровавой, мучительной? Почему

уголовно наказуем сам интерес Адельгейма к правде прошлых лет? Ведь все это уже когда-то было, было, было! Мракобесом, идеалистом, идеологически вредным объявлялся Достоевский и вычеркивался из школьных программ, изымался из библиотек; антисоветскими считались стихи Есенина, Цветаевой...

История повторяется! Вновь выбрасывается из культуры то, что составляет ее гордость. История повторяется! Поэтому историю приказывают забыть, превращая в преступление интерес к стихам поэтов прошлых лет.

В письмах священников Эшлимана и Якунина к патриарху эксперты усмотрели клевету в том, что государство вмешивается во внутренние дела Русской православной церкви. Читаю документ за № 24.

"Православная церковь всегда признавала за государством суверенное право на руководство гражданской жизнью общества и потому всегда вменяла в обязанность своим членам необходимость повиноваться мирским властям".

Идеологически вполне верное утверждение. К этому эксперты придаться не могут.

"Безусловное невмешательство государства во внутреннюю жизнь церкви и свободное сотрудничество церкви и государства в гражданской среде, если государство

этого пожелает, — таков принцип истинного отношения церкви и государства".

Что в этой фразе может задеть экспертов? Может быть, слова "свободное сотрудничество"? Государство диктатуры должно свободно диктовать, а не сотрудничать со свободной церковью.

Или, может быть, это клевета:

"Для контроля за соблюдением канонов, определяющих отношения государства и церкви, и для посредничества в гражданской сфере при советском правительстве учрежден специальный орган — Совет по делам Русской православной церкви".

Или клевета в следующих фразах:

"За период 1957—1964 гг. под личным давлением Хрущева, допустившим субъективизм в администрировании и руководстве, Совет по делам Русской православной церкви превратился в орган неофициального и незаконного управления Московской патриархией.

Ныне в русской церкви создалось такое положение, при котором ни одна сторона церковной жизни не свободна от активного вмешательства со стороны Совета по делам Русской православной церкви, его уполномоченных и местных органов власти, направленного на разрушение церкви".

Нет клеветы и в этом утверждении. Авторы приводят конкретные факты: проверка регистрации крестин и других треб органами власти, массовое закрытие храмов, запрещение треб на дому, назначение в епископы и священники только с санкции Совета по делам Русской православной церкви, ограничение штатов. Но в этом утверждении есть недовольство. Это недовольство эксперты и называют клеветой! Ну, а факты, которые приводят авторы, опровергнуты? Приведены ли экспертами данные о количестве вновь открытых храмов, или же ссылки на инструкции, по которым местным властям запрещается проводить проверку регистрации крестин или не вмешиваться в назначения епископов и священников? Проведено ли вообще какое-либо исследование фактов? Нет, рассмотрением вопроса по существу экспертиза не занимается, никаких доказательств не приводит. Письмо священников — клевета, потому что — клевета.

В соответствии с заключением экспертизы оценивает этот документ и следствие:

"В открытом письме" к патриарху от 13.12.65 г. священники Эшлиман и Якунин предъявляют требование Московской патриархии изменить политику церкви по отношению к Советскому государству, начать борьбу против Советского законодательства о религиозных культурах (док. № 24, л. д. 9—15), клеветнически утверждается, будто бы государство вмешивается во внут-

рение дела Русской православной церкви (док. № 24, сс. 5–6).

Далее следуют клеветнические утверждения о якобы "принудительном удалении детей от церкви" (с. 15–17), даются установки по борьбе против "мирскихластей", "мирских начальников" (с. 17–20). В качестве примера авторы письма указывают на известного антисоветчика патриарха Тихона, предавшего советское государство анафеме (т. е. проклятию). Затем они пишут "Высшее церковное управление поправило патриарший завет и самолично изменило курс, пошло по пути ликвидации церковной свободы" (сс. 49–50, 53–59).

Как мне, однако, следует защищать Адельгейма? Может быть, публично заявить суду: "Клевета – это юридическая оценка, означающая несоответствие сообщаемых фактов действительности. Клевета как преступление может быть установлена только приговором суда. Ни Эшлиман, ни Якунин по приговору суда не признаны клеветниками, и следовательно, в документе, написанном ими, содержится правда, пока не доказано иное. Эксперт вышел за пределы своей компетенции и, устанавливая наличие в этом документе клеветы, присвоил себе функцию суда".

А до этого допросить Эшлимана и Якунина и доказать, что факты, о которых они говорят, – правда. Нужно будет обсудить этот вопрос с Адельгеймом на свидании.

Дневник Адельгейма, его личные стихи и рукописи, пометки в ученических тетрадях, неотправленные письма другу — весь личный архив — все обработано наукой! В сталинские времена дневники и личный архив были неопровергимым и грозным доказательством обвинения. Сохранять архив тогда было опасно. Ну а сейчас? Можно ли иметь архив? Можно ли дневнику поверять сокровенные мысли? Или это тоже запрещено?

По закону и его толкованию комментаторами дневниковые записи — не преступление. Но следствие думает иначе. Назвав дневник статьей, обвинительное заключение утверждает:

"Будучи враждебно настроенным по отношению к государственному и общественному строю в СССР, Адельгейм П. А. с 1957 года начал писать всевозможные статьи, стихи, в которых излагал заведомо ложные, клеветнические измышления в отношении коммунистической идеологии и советской действительности".

Для того чтобы доказать, что в личных бумагах Адельгейма содержится клевета, эксперты прибегают к произвольному толкованию выбранных ими фраз, цитат и отрывков. Так, к примеру, из письма Адельгейма вырывают цитату:

"Какие уж мы спасители отечества. Мы просто такие же, как все, толпа беженцев,

застигнутая в холодной степи ночной пургой. Мокрый снег очи слепит, все плакет и стонет, люди отчаялись — их столько раз обманывал мираж огонька. И если мы первые заметим этот огонек, неужели же не закричим от радости и не позовем всех за собою. В этом нет заслуги. Заслуга будет, если мы не побежим первыми к свету и теплу, а будем бороться с холодом и мраком, до тех пор пока последнее живое существо не обогреется у очага. Кто без Господа, тому не видно счастья, а Бог там — где любовь”.

Эти слова истолковывают так:

”В этой аллегории очевидно под беженцами подразумеваются неверующие люди. Под степью — современные условия жизни, под светом и теплом — вера в Бога, а под ”мы” — священники”.

Толкуя и перекраивая цитаты, придавая им нужный следствию смысл, эксперты закладывают ”научный” фундамент обвинения.

АРЕСТ

Еще раз об обвинении

14 декабря 1969 года в квартире Адельгейма раздался настойчивый стук. Павел Анатольевич зажег ночник, посмотрел на часы, только семь часов. Кто бы мог стучать в такую рань? Постучали еще раз. Вскочив с постели и набросив на себя халат, он подошел к двери.

— Кто там?
— Откройте! Милиция!
— Милиция? — удивился Адельгейм и, открывая дверь, спросил:
— А что случилось?

В квартиру вошли шесть человек. В гостиной стало сразу тесно и душно. Без лишних объяснений старший группы приступил к делу.

— Вы Адельгейм?
— Да.
— Павел Анатольевич? 1938 года рождения?
— Да, да! Но в чем же дело?
— Мы обязаны провести у Вас обыск.
— Скажите же, наконец, в чем дело? Почему у меня производится обыск? Что все это значит?
— Вот Вам постановление об обыске.

Павел Анатольевич взял протянутую ему бумагу и прочел:

Постановление

12 декабря 1969 г. я, следователь прокуратуры Ленинского р-на г. Ташкента, Газарбе-

ков, рассмотрев заявление Шкуренок Татьяны Ивановны о том, что она систематически подвергалась истязанию со стороны Адельгейма П. А. и других и учитывая, что в квартире Адельгейма П. А. могут находиться предметы и вещи, могущие иметь значение для дела,

постановил:

произвести обыск в квартире Адельгейма П. А., расположенной в г. Кагане Бухарской области по ул. Большой Хмельницкой д. 86.

Постановление было подписано следователем и санкционировано прокурором.

Павел Анатольевич не смог даже сообразить, кто такая Татьяна Ивановна? Потом вспомнил: "Ах ты Господи, да это ведь Таня. Кто ее истязал? Когда я ее видел в последний раз? Кажется, в прошлом месяце..."

— Скажите, пожалуйста, она жива, с ней ничего не случилось?

Не отвечая на вопрос, старший группы спросил сам.

— С постановлением ознакомились? Я разъясню Вам Ваши права. Вы имеете право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу этих действий. Вам ясно? Вам запрещается покидать помещение и сноситься с лицами, производящими обыск, а также с лицами, которые могут прийти во время обыска. Вам ясно?

— Нет! Я, что, арестован? Разве я преступник?

— Я Вас ознакомил со всеми документами. Теперь приступим. Вопросы задаю я. Предлагаю Вам добровольно выдать деньги и ценности...

— Наши семейные сбережения в шкафу, вот здесь.

Витенков, он был старшим группы, открыл ящик, взял деньги, пересчитал, уселся за стол и достал бланк. Павел Анатольевич прочитал: "Протокол описи имущества".

Обращаясь к кому-то из группы пришедших с ним сотрудников, Витенков сказал:

— Снимайте с полок книги, подавайте их мне. Я буду просматривать их сам. Письменный стол я также осмотрю сам. К письменному столу я прошу Вас, Павел Анатольевич, не подходить. Вы можете сидеть напротив меня.

Конвеер работал. Размеренно и методично книги снимались с полок и передавались Витенкову. Он осторожно брал их в руки, тщательно осматривал корешки и откладывал в сторону на пол. Горы книг росли. Уже просмотрено более двухсот. Вдруг работа застопорилась. В руках у Витенкова перепечатанные на машинке стихи Волошина. Стихи отложены влево; вскоре туда же Витенков отложил стихи Ахматовой, Иванова, письмо Солженицына IV съезду писателей. Потом в эту же стопку он положил подборку статей "Голос родного православия". Дважды прочитав статью Никиты Струве из "Русской мысли", положил ее туда же.

К вечеру из двух тысяч книг было отобрано

около тридцати, и составлен протокол с подробным перечнем отобранный литературы. Каждой книге, статье, выписке присвоено наименование: "Документ № ..."

Так мысли, дневники, рукописи и ученические тетради Адельгейма превратились в "вещественные доказательства".

Почему из двух тысяч книг отобрано около тридцати? По какому принципу отбиралась литература? Существовал ли вообще такой принцип? Конечно же, в выборе книг у следствия был свой смысл и свои цели. Объединение разных документов в одном списке идеологически вредной литературы должно свидетельствовать, что в лице Адельгейма сомкнулись два направления в инакомыслии — религиозное и политическое.

Совпадение интересов в инакомыслии — опасная для государства почва, на которой может вырасти объединение, организация, оппозиция. В обвинительном заключении нахожу:

"Все эти документы имеют главной целью объединение тех, кто недоволен некоторыми аспектами Советского государства и Советского общества, и организовать неустойчивых элементов на борьбу против советского правопорядка.

Как вышеуказанная литература, тексты, а также записи, сделанные самим Адельгеймом, рассчитаны на возбуждение у читателя отрицательного отношения к советской действительности и положению верующих в

СССР, возводится клевета на условия жизни в СССР, а также на государственный и общественный строй СССР".

Вдумаемся в смысл этого обвинения. Во-первых, следствие констатирует, что в Советском Союзе есть недовольные советским государством и обществом. Такое признание в официальном документе — уже сам по себе факт значительный. До сих пор официально сообщали о "единстве партии и народа", а недовольных именовали не иначе как "отщепенцы", "изменники", "предатели", "классово чуждые элементы" и т. п.

Во-вторых, в обвинительном заключении признается, что стихи, статьи и книги опасны тем, что они могут объединить недовольных. И не только объединить, но и организовать их на борьбу с советским режимом.

В-третьих, изъятая литература, тексты и записи Адельгейма вызывают у читателя отрицательное отношение к советской действительности. А это для государства опасно!

Вот каковы причины дела Адельгейма. Не заявление Тани, не сабля деда, снятая следователем со стены, а боязнь объединения инакомыслящих, недовольных и неустойчивых. Пока сила на стороне государства — государство будет действовать самым беспощадным образом, и закон ему не преграда. Закон можно толковать и так и этак. Закон можно изменить. Закону можно придать обратную силу. В общем, с законом можно поступить так, как того требует политика. Закон —

ценность не абсолютная. Закон – в руках государства.

Разве могут доводы защиты убедить властителей и подчиненных им судебных чиновников в том, что лица, любящие стихи Волошина, не призывают к борьбе против правопорядка, что "Реквием" Ахматовой – не преступление, а плач матери по арестованному в 1937 году сыну.

Как убедить, что дневниковые записи – не клевета, а раздумья... Может быть, удастся убедить суд, что обратную силу закону придавать нельзя. Адельгейма обвиняют по закону, принятому в 1966 году, а все, что он переписывал, перепечатывал, собирая и читал, относится к 1957–1965 годам. Но, если уж КГБ решил – суд состоится, и Адельгейм будет осужден. Ведь его мысли опасны! Из него может вырасти руководитель недовольных. Вот ведь что он записывал в дневнике еще девятнадцатилетним юношей:

"...борьба классов, возведенная в систему, мешает общественному миру".

"Атеизм, который проповедуется марксизмом, является слепотой, за которую человек и общество расплачиваются".

"Церковь не может присоединиться к движениям социальным, политическим, которые берут начало и силу из марксизма".

Соображения защиты выслушают, но Адельгейма осудят. Осудят не по закону, а для пользы партийного дела. Вышедшее из-под партийно-го-

сударственного контроля духовенство — источник критики философии материализма и практической политики государства.

Совместить марксизм с религией в философии невозможно. Но в практической политике, чего не бывает. Поэтому нужно найти форму co-существования церкви и государства. Ведь что ни говори и ни делай, а верующих в стране десятки миллионов, и упустить контроль над церковью нельзя.

Адельгейм говорил о материалистической диалектике как о чепухе, в которой нет науки, для него лишь религия вечна. Но государство возводит в уголовное преступление неверие священника в диалектику и материализм и допрашивает об этом бывшего дьякона Погорелова В. М., Гребцова И. Ф., Пулатова С., священника Моргунна Н. Ф. и включает их в список лиц, вызываемых в качестве свидетелей.

Нет, это не "чепуха"! Это политика! Одного осудить — другим не повадно будет так думать и говорить. Юристы хорошо знают, что такая общая превенция, т. е. профилактика, предупреждение новых преступлений путем устрашения. При таком подходе к закону и праву еще можно считать, что Павлу Анатольевичу "повезло", т. к. его обвиняют только по статье, по которой ему грозит "всего лишь" три года исправительно-трудовой колонии. Ведь его можно было обвинить в любом государственном особо опасном преступлении! А уж об антисоветской агитации и пропаганде и говорить нечего! Разницы

между статьей, по которой обвинен Адельгейм, и антисоветской агитацией и пропагандой практически никакой нет, а наказание вдвое больше. Можно поступить и так и этак, и все будет по закону!

Адельгейма можно было бы обвинить и в организационной деятельности, направленной на совершение особо опасных государственных преступлений. А уж по этой статье возможности у следствия и суда неограничены, вплоть до высшей меры наказания — смертной казни!

В уголовном кодексе эта статья изложена так:

“Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, к созданию организации, имеющей целью совершение такие преступления”.

Стоит только чуть изменить обвинение и написать, что Адельгейм, распространяя документы, имел своей главной целью организовать недовольных, и его можно по закону расстрелять. Уж если слово — так обвинительное слово!

Почему же Адельгейма обвиняют всего лишь в клевете на государственный строй? Почему ограничились только этим? Но в то же время в обвинительное заключение включили формулировки, которые заставляют думать о возможности более тяжелого обвинения. Почему? Небрежностью следователя этого не объяснишь. Уж кто-кто, а КГБ хорошо знает цену слову. Возможно, что это вы-

держки из ранее составленного обвинения, по которому Адельгейму отводилась роль организатора недовольных?

Может быть, изменилась политическая конъюнктура и создавать политическое дело не в интересах режима? Запрятать в лагерь уголовника и клеветника Адельгейма проще, чем приговором суда признавать в нем политическую фигуру? Может быть, грозные формулировки нужны для того, чтобы показать Адельгейму, что грозящее ему наказание — государственная милость, за которую нужно расплачиваться покорностью и благодарностью? В противном случае... Зачастую такой прием срабатывал. Обвиняемый, боясь худшего, признавал себя виновным и покорно отправлялся в лагерь с сознанием того, что он легко отделался.

Адельгейм виновным себя не признал, защищался, боролся, отстаивал свои принципы и взгляды, писал жалобы. Может быть, эти формулировки включены в обвинение с целью психологического давления на него? Вряд ли я найду ответы на эти вопросы в материалах уголовного дела.

Много позже в одной теоретической работе, посвященной анализу социалистической демократии, я прочту и выпишу себе для памяти следующие слова:

"Задача идеологического руководства в ее наиболее общем виде заключается в коммунистическом воспитании трудящихся. Эта

грандиозная по своему масштабу и сложности задача распадается на ряд конкретных направлений: воспитания, коммунистического отношения к труду... формирования у людей... атеистических взглядов.

Вполне понятно, что эти цели достигаются отнюдь не дидактикой. Государству и его специализированным органам приходится помимо принципиальных политических решений, регулирующих процесс экономического, социального и духовного развития общества в целом, брать на себя текущую управленческую работу". *

Таким образом, процесс Адельгейма, несмотря на то, что он был замаскирован под обычный уголовный процесс, являлся актом "политического решения вопроса духовного развития общества", а специализированные органы государства взяли на себя работу по управлению этим процессом и составили обвинительное заключение.

* Шахназаров. Социалистическая демократия. С. 98.

РАЗРЕШЕНИЕ НА СВИДАНИЕ

Завтра свидание с Адельгеймом!

В адвокатской практике свидание – важная и ответственная часть подготовки к процессу. Адвокат впервые знакомится с подзащитным, вместе с ним вырабатывает общую позицию на предстоящем процессе. Признает ли подзащитный обвинение и факты, послужившие основанием к аресту? Объективно ли велось следствие? Соблюдался ли закон при сборе доказательств? Все ли свидетели допрошены? Какие отношения у обвиняемого со свидетелями? Таков далеко не полный перечень вопросов, которые обычно обсуждает адвокат со своим подзащитным. Для того чтобы подзащитный доверился адвокату, свидание должно проходить наедине, в специально отведенных кабинетах.

Позиция подсудимого, его поведение в предстоящем процессе, его показания, заявления, ходатайства представляют огромный интерес для КГБ. Созданное государственной безопасностью обвинение во всех случаях должно быть подтверждено приговором, таково правило игры. Поэтому КГБ прогнозирует поведение подсудимого и намечает контрмеры. Но прогноз может быть и ошибочным. Вместе с тем публичные последствия процесса, его воздействие на присутствующих для КГБ не менее важны, чем осуждение подсудимого. Трудно вообразить, что произойдет, если подсудимый предстанет перед

судом, скажем, не истязателем малолетних и церковным мракобесом, а незаконно обвиненным, мыслящим, образованным, интеллигентным человеком, убедительным проповедником правды. Такого КГБ допустить не может! И не допускает! По политическим процессам в Советском Союзе не было ни одного оправдательного приговора!

Чтобы предотвратить любые неожиданности, следствие должно заранее все знать. Для этого в тюрьмах КГБ, так же как и в обычных тюрьмах существует специальный отдел, именуемый оперативной частью. Любые задания следствия оперчасть выполняет с доблестью.

Нужно у подследственного выяснить, что он пишет, читает, готовясь к делу? Пожалуйста! Произведут обыск, перелистают, прочтут, а то и изымут все записи и сообщат следователю. Нужно выяснить, о чем думает обвиняемый? Пожалуйста! В камеру на пару недель пошлют опытного агента-«насадку», и рапорт его будет источником информации. Нужно выяснить настроение подсудимого, сломлен ли он или будет бороться? Пожалуйста! Целый штат надсмотрщиков сообщит об этом. Нет, что ни говорите, а у оперчасти ответственные большие задачи!

Нужно узнать, о чем подсудимый говорил с адвокатом? Оперчасть наготове: микрофоны, видеоконы, научная организация подслушивания и подглядывания сработают точно. Получив таким образом данные о подготовке подсудимого и адвоката к защите, можно принять действенные

меры. Например, обвинить адвоката в том, что он подговаривал обвиняемого не признавать свою вину или отрицать факты.

Поэтому свидания с подзащитным наедине перед политическим процессом – важная, но опасная часть адвокатской практики. Поэтому при встрече с заключенным полагается держаться официально, задавать официальные вопросы и ни в коем случае не выражать сочувствия.

Но при таком поведении адвоката напуганный и обманутый следствием человек не доверяет ему. Он уже имел возможность убедиться в могуществе следствия, не знающего преград.

Однако без доверия подзащитного деятельность адвоката лишена смысла. Как же будет вести себя на свидании Адельгейм? Пытаюсь представить себе его: высокий, полный с бородой и в церковном одеянии, важный, внутренне сосредоточенный и не желающий разговаривать со мной. Постой! Почему в церковном одеянии? Ведь в тюрьме церковную одежду носить не разрешается. Но тогда как же выглядит Адельгейм? Без церковной одежды образ его распадается.

Доверие Адельгейма, психологический контакт с ним мне нужен. Я хочу, чтобы он поверил, что я действительно сделаю все от меня зависящее, чтобы защитить его. По закону я не имею права передавать заключенному письма, фотографии, записки. Но ведь по закону у меня должно быть свидание наедине, а меня будут подслушивать. Пусть нарушения закона, допускаемые

следствием, будут оправданием мне. У Веры Михайловны, жены Адельгейма, я взял написанную мною короткую записку и фотографию детей. Я покажу их Адельгейму как пароль.

Получить свидание с подзащитным не просто, это особая и сложная процедура, о которой, пожалуй, стоит рассказать.

Адвокат имеет право на неограниченное количество свиданий наедине с заключенным. Но для того чтобы получить такое свидание, каждый раз нужно обращаться к судье с письменной просьбой. У судьи права отказать в свидании нет, и в большинстве случаев такое свидание предоставляется. Но смысл введенной в практику процедуры в том, чтобы поставить под контроль суда каждый контакт адвоката с подзащитным.

Написав заявление, я поднялся на второй этаж Ташкентского городского суда и вошел в кабинет судьи. За столом сидела средних лет женщина. Яркое, цветастое платье из набивного нейлона плотно облегало ее упитанную фигуру. Она что-то читала и не поднимала на меня глаз. Я стоял и ждал. Пауза затягивалась. Стоять перед нею с заявлением в руках и чувствовать себя надоедливым просителем было оскорбительно. Если на мой стук в дверь она разрешила войти, то, естественно, что я имею право на ее время и внимание.

— Здравствуйте, я адвокат, хочу получить разрешение на свидание с Адельгеймом. Ордер на защиту сдан секретарю в канцелярию.

Судья, не отвечая мне, продолжает читать дело.

Стою, молчу, злюсь.

Звонит телефон. Судья берет трубку, смотрит прямо на меня и с кем-то спокойно разговаривает.

— Да, да. Дело должно пойти. Адвокат приехал. Свидетели будут доставлены, не беспокойтесь! Прокурор знает, конвою тоже сообщим.

В трубке что-то долго говорили. Судья молчала и внимательно слушала. Потом последовала целая тирада:

— Я просила усиленный конвой! Хорошо, еще раз позвоню начальнику. Кроме конвоя, будут еще и милиционеры. Зал тоже подготовлен. Сегодня же вечером проверю еще раз и доложу Вам!

Трубка повешена. Скользнув по мне взглядом, судья вновь опустила глаза к письменному столу, на котором лежит дело. Первая встреча, и судья сразу решила показать мне, кто есть кто. Перехожу в наступление.

— Вы судья Лобанова? — говорю нарочито резко.

Оторвавшись от бумаг, она, наконец, соизволила ответить:

— Да, я.

Но вновь звонки, звонки, и как я понимаю, все они связаны с делом Адельгейма. Я стою и жду. Последний звонок, видно, был от очень высокого должностного лица. Голос Лобановой изменился, вся она устремилась к трубке, потом вскочила и весь разговор провела стоя. Как только она повесила трубку, я подошел к столу и, положив заявление, сказал:

— Свидание мне, пожалуйста!

После телефонных разговоров Лобанову почему-то как подменили:

— Пожалуйста, садитесь. Вы ознакомились с делом? Подождите, пожалуйста. Сейчас секретарь напечатает разрешение на свидание, — и звонком вызвала секретаря. Сижу, жду разрешения. Судья продолжает засыпать меня вопросами:

— Вы успеете подготовиться к делу? Мы ведь послезавтра начинаем. Как Вы думаете, мы уложимся в три дня? Знаете, очень хотелось бы, дело, сами понимаете, ответственное и тянуть его нет смысла!

Слушаю, молчу. Про себя уже решил, что буду сражаться за Адельгейма столько, сколько мне нужно будет, не взирая ни на чьи планы. Монолог продолжается.

— Кое-кто из свидетелей не явится. Правда, может быть, потом приедут. Но пока данных нет. Я надеюсь, Вы не будете возражать против слушания дела в их отсутствие?

— Буду возражать! Дело сложное, в нем надо разобраться, и свидетели в суде нужны.

— Да, конечно, — и сразу сменив тон, продолжает:

— Как Вы переносите ташкентскую жару? В Москве, наверное, прохладно?

Секретарь принесла разрешение на свидание, передала Лобановой, она подписала его и протянула мне. Я направился к выходу.

— Товарищ адвокат, выясните у Адельгейма, будут ли у него ходатайства. Хотелось бы знать

заранее, чтобы не затягивать процесс.

Повернувшись к Лобановой, я ответил: "Ходатайства мы заявим в суде". А про себя подумал: "Знаем мы эти судейские трюки — заранее выведать позицию и ходатайства и заранее, до суда, придумать, как на "законном" основании отказать в их удовлетворении. Ведь процесс затягивать нельзя! Поэтому и свидетели ей не нужны. Ей заранее все ясно. Вся эта игра известна давно, и я не новичок".

"А что ты думаешь о судье? — спросил я себя, — ведь с ней работать, именно ее нужно будет убеждать, что прав ты, а не следствие. Что она за человек? Властная, самоуверенная, хитрая и опытная, она назначена в этот процесс не случайно. Такая выполнит любой заказ и подпишет любой приговор! Ну а другой судья — честный и совестливый, разве не выполнит требуемый от него приказ? Конечно, выполнит! Так какая же разница, кто будет судить?"

Окончание в следующем номере.